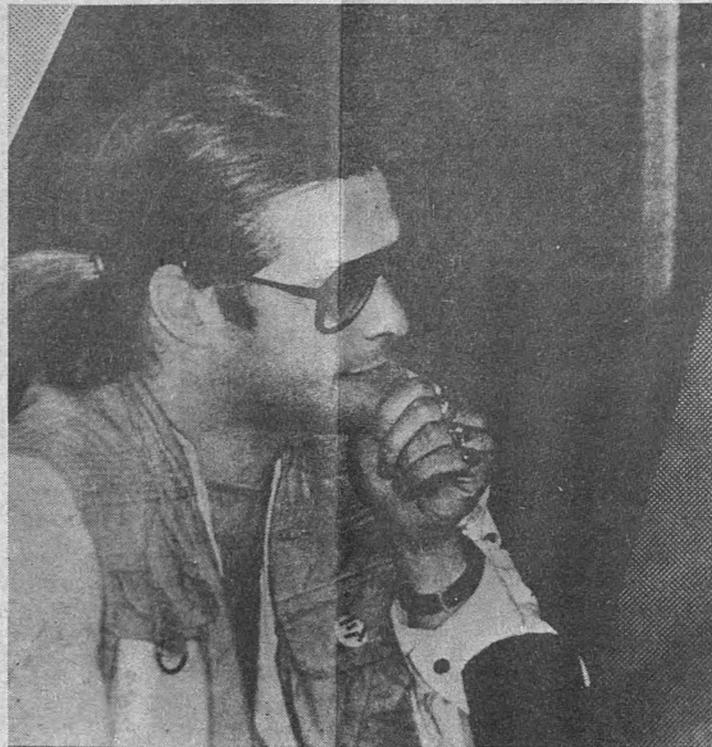

Мастер БО

Когда-то я ехал в город,
было время людской доброты.
Населенье ушло в отпуск,
на площади томились цветы.
Все было неестественно мирным,
как в кино, когда ждет западня.
Часы на башне давно били полдень
какого-то прошедшего дня.

Б. Г. (так часто называют Бориса Гребенщикова).

У красивой сказки должен быть счастливый конец. Он не отрезает дорог, даже извилистых и непроходимых, для святости, а легко пересекает их, не отбрасывая камней. Он смеется над нами.

В добрых глазах Бориса Гребенщикова, шагнувшего в роковой пушкинский год, его нет.

Сево и овамо, пересекая путь счастливого конца, возвращаясь в нашу стихию-боквушну, преподносит финал то идиотски совершенный, то жуткий по своей простоте, то разрывающий сердце, то оставляя в нем колоссальную надежду.

Не всякий умеет возвращаться. Это не искусство быть

смирным. Это наша жизнь. Можно, конечно, и не уходить. Но это уже не жизнь.

Жизнь — это, когда щемит сердце. Это щемящее чувство сочувствует Мастеру Бо (Б. Гребенщикову) и во взгляде в себя — «Синего альбома», параде стебловых миниатюр, «Треугольника», в совершенно обалденно-милой «Истории...», в отдохнувшей лирике «Равноденствия», в желании быть, наконец-то, понятым «Черной розы...».

Альбомы «Аквариума» — это не этапы, это прожитые годы в нашей богом забытой стране. Это здешний каприз мироздания. Б. Г. не поет о проблемах, он поет о горестях и радостях, о любви и вере, «стебется» и плачет. Он говорит правду. Это трудно знать, где «минус», а где «плюс».

У мастера не получится быть злым. Исполнив «Козлов», чтобы, как сказал Б. Г., «получить тарификацию», покорил своим благородством в финале, в НАШЕМ финале. Трудно измерить для нас бесконечное.

Так что нет причин плакать,
Нет повода для грустных дум.
Теперь нас может спасти
только сердце,
Потому что нас уже не спас
ум.

А сердцу нужны небо и
корни,
Оно не может жить в пустоте.
Как сказал один мальчик,
случайно бывший при этом,
Отныне все мы будем не те.

(Б. Гребенщикова).

Тридцать семь — это не сто два с половиной.

С Днем рождения, Мастер!

А. МИШОВ.

Б. Г. или, как его называют в народе, Борису Гребенщикову, 27 ноября «стукнуло» 37.

Лениво потрескивают поленья в камине. Легкий дымок сигар обволакивает нашу гостиную. Сэр Джонсон, немолодой меломан во фраке, подают традиционный чай. Часы времен Людовика XIV бьют пять. В нашей музыкальной гостиной не смолкают голоса. Вновь открыла она свои двери. Сегодня у нас в гостях группа «Сталкер», Борис Гребенщиков, традиционное «Почта, сэр...» и ты, читатель, наш желанный гость. Пусть остыла чай или потухла сигара. Пусть догорают поленья в камине. Но остается музыка.

«Музыку, сэр!»

«ПОЧТА, СЭР...»

Здравствуй!

Дорогая «Молодежка»!

Я поздравляю тебя с возрождением из пепла. Радостно читаю каждый номер, и все-таки вижу в тебе изъян. Признаться, вижу несколько прорех в темах, кое-какие нескладухи и т. д. Но об этом, если хотите, потом.

А сейчас о музыке. Уверен, что огромная часть ваших читателей наполовину состоит из меломанов. Они идут по улице и мурлыкают песни Пугачевой и «Ласкового мая». А те, кто позабористей, — ламбаду или даже что-нибудь из классики. А новые сведения или что-нибудь щеночущее нервы (поверьте, для меломанов это очень важно) из творческой биографии своих кумиров они черпают, увы, не из любимой газеты, не из «Молодежки». А почему? Почему?? спрашиваю я не грозно, но любя. По-моему, «Музыкальную гостиную» нужно публиковать, если не в каждом номере, то хотя бы через раз. И, простите, делать ее не так, как вы это делали раньше. Не считаю себя вправе давать вам советы — как делать. Вы профессионалы, вам видней.

Пепел «Музыкальной гостиной» стучит в мое сердце.

Людмила.

Евгений Р., 23 года.

Молодежь Молдовы. - Кишинев. - 1991. - 1 апр. - с. 5